

Философия и методология охотоведения

УДК 1: 39: 63

В.Н. Бочарников

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

ФИЛОСОФИЯ И ПРОСТРАНСТВО ОХОТЫ

Пространство и время – фундаментальные категории философии, в смысловых границах которых человек обозначает протяженности своей жизнедеятельности. В современных условиях мы изменяемся физически, считаем, что развиваемся социально и ментально, но мы вместе с тем и деградируем в наших индивидуальных способностях выживания на природе. Охота не является изобретением человека, она представляет собой естественный способ существования жизни в природе. Охота у человека является общественным делом, и это всегда забота о другом, даже если охотничья добыча потребляется индивидуально. Охота помогает выживать человеку и в современных условиях.

Ключевые слова: философия, охота, пространство, дикая природа, развитие

В современном обществе еще окончательно не забыто то, что охота является древнейшим занятием человека. Виды, способы, формы охоты предельно разнообразны, функциональная суть же одна – пропитание. Глубоко в сути стремления к охоте у человека заложена потребность обеспечения «Другого», из своего племени, клана, рода, семьи. Это принципиальный момент и таковой выделяет охоту человека из всех видов «иных охот». И во многом инстинктивно вначале, и затем, все более осмысленнее, человек стремился любой свой труд по возможности облегчить. Человек стал свои способности многократно преумножать с помощью созданных трудом ума, рук, и специальных приспособлений своих «помощников».

Для человека охота была всегда тем же трудом, что и любой иной, направленный на поддержание жизнедеятельности, обеспечение коллективной и индивидуальной безопасности, процветания, здоровья. Человек работает, результаты его работы и сам процесс дает ему власть над природой, хотя и ограниченную. Охота послужила одним из первых «двигателей прогресса», его инструментом, совершенствование которого было всегда связано с изобретением новых и совершенствованием существующих орудий, способов и приемов добычи животных. Но ни одно животное не трудится, предаваясь охоте, любое живое существо получает «без оплаты» все то, что ему надо, используя только данные свойственные способности.

Охота для человека равна природе, и для того, чтобы добывать, как и выживать, человеку требуется совершить особое деяние – заключить договор с пространством. Человек взаимодействует с пространством и временем непрерывно, и так сохранено на протяжении всей нашей жизни. Основу такого взаимодействия составляет обмен, где «платой» служит энергия, информация, движение мысли и материи, создание образов, представлений, вещей. Но мы устроены так, что в свои расчеты берем только то, что мы знаем, или предполагаем, что можем знать, парадоксально не замечая, игнорируя условие о том, что как можно узнать нечто, не зная того, что ты не знаешь? Человек не одинок на планете, существует параллельно с нами множество живых существ, обобщенно называемое ныне нами биологическим разнообразием.

Нам позволено прожить и продлить в пространственно-временном континууме кажущийся нам определенным промежутком существования, ничтожный и невыделенный законами вечности. Мир не принадлежит человеку, а взаимодействие со всем, что нас окружает – это и есть наша действительность. Мы находим ее в вещах и событиях только потому, что вкладываем свой смысл в них. «Если мы не способны мыслить никакой иной реальности», - считал Шопенгауэр, - кроме вымышленной бескачественной материи... то весь мир со своими вещами представляет не что иное, как механистическую игрушку...».

Планета Земля предстает нам ареной жизнедеятельности, и «каждый человек», - писал Ф. Ницше, - «особенно в молодости, чувствует в себе необъятные силы, и кажется ему, что он призван совершить нечто выдающееся. И, видимо, не зря, кажется, поскольку каждый может это совершить, только, как правило, мешают бесконечные трудности, и каждому на надгробии можно написать, что здесь лежит человек, у которого были великие возможности, ждали великие дела, или просто: здесь лежит великое обещание». Эта сентенция целиком относится к проблемам взаимодействия человека и природы. Вступая в контакт с природой, всегда для нас есть что-то известное, по крайней мере, таковым является в наших представлениях, ожиданиях, воображениях.

Это знание идет из собственного опыта, из того, что было когда-то изучено, стало известно из книг, обучения, социального внедрения. С психологических позиций, такой «знанийный задел» дает нам опору, фундамент, базу, место приложения нового и надстройки таковым. Это – также естественный труд человека! «Созерцание – это смотрение не только глазами, не только умом, но всей душой, всей человеческой сущностью».

Далее, В.Д. Губин отмечает [1, С. 91-92]: «Откуда берется новая идея, новая мысль? Ведь новая мысль не является суммой старых... чтобы прийти к новой мысли, надо уже каким-то образом знать, иначе неизвестно – куда идти и что искать?» И таким образом подчеркивается, что процесс нахождения нового может быть только созерцанием.

Такое взаимодействие является не меньшей сутью человека, его деяние, как показывает сие процесс охоты, с особыми условиями договора с пространством. Во всегда оригинальном данном процессе формируется неизбежно новое видение мира, поскольку таковое составляет обязательное живое, непосредственное восприятие, состояние непосредственной актуальности. Мы называем это чудо – нашим настоящим слиянием с миром, глубоко понимая его изнутри. Здесь нет «мертвого прошлого», с которым мы сравниваем свое настоящее, мы всегда видим мир своей охоты так, как будто увидели его в первый раз, и поэтому каждый раз переживаем удивительный подъем духа и чувств. Мы его продолжаем описывать, объяснять, исследовать, делая это с помощью нашего мышления, выражая средствами языка, передавая знания во все более усложняющихся формах коллективного обучения. Параллельно с этим мы во все большей степени теряем индивидуальные способности достижения верных договоренностей взаимодействия с пространством, ориентируясь на весьма редуцированные, ограниченные знания о нем, а только такие могут быть доступны при передаче от другого, и это совсем не то уникальное персонифицированное единственно верное, что может быть доступно лишь в личном опыте.

Философия, культура, религия, наука... это все те средства, с помощью которых мы расширяем, накапливаем, добавляем, дополняем существующие знания о пространстве. Человек уверил и не утратил до сих пор способности покорять, усовершенствовать, одухотворять мир, что предопределило действие особой «оптимистичной ловушки». И современный наш социальный мир так устроен, что нам изначально внедряются социальные установки, мало что имеющие со свободой.

Но если философы во все эпохи задаются фундаментальными вопросами: Как возможен свободный человек? Как возможна свобода? То данные экзистенциальные ценности мало «развернуты» в повседневности, хотя никуда не исчезают. Очевидно, что свобода не предписана, не является врожденной способностью человека, это понятие тесно связывается с поиском человеческого происхождения. В качестве «приманки» действует убеждение о том, что достижение наших нравственных ценностей идентично осуществлению субъективных природных влечений. И как верно подмечает

Валерий Губин [1, С. 10]: «... как быть, если стремление к добру, удовлетворение земных желаний, жажда власти и безграничной свободы не совпадает?»

Автор находит аналогии у Ф.М. Достоевского, те, которые могут быть близки современному «богатому» человеку, гласящими, что ненормальность человека, его несовпадение с общественными структурами, его неприятие многих социальных норм и идеалов есть на самом деле «норма его истинного существования». Он заключает, что «оглянувшись назад» можно отметить, что то понимание гуманизма, которое стало популярным с конца XIX века, - восходит к временам Ренессанса, где понималось, что человек должен быть «хозяином своей судьбы и господствовать над землей» [1, С. 10]. Мы включаемся в процесс постижения бытия, где постклассическая философия отнюдь не выдвигает оптимистичных прогнозов относительно будущего человека, более того она разнообразно предупреждает: «...чтобы не совершал человек, какие бы технические, социальные, умственные усовершенствования ни вносил в жизнь, его завтрашний и послезавтрашний день ничем не будут отличаться от вчерашнего и сегодняшнего» [1, С. 17].

Обыденная человеческая практика в отличие от любой теории науки или философии, является каждодневно доступным, привычным, обязательным средством фактической нашей «проявленности» в жизни. Охота представляет очень практическое и наглядное занятие человека, и такая противоречит «массовости». А в чем трагедия массовости как человеческого явления? От Ницше берет начало понимание, что «масса и соответствующая ей массовая культура руководствуется инстинктом слабости. Будучи не в состоянии создать ничего нового, она консервирует религии, метафизику, всякого рода поверхностные убеждения. Но за всем этим, считал Ницше, скрываются усталость, фатализм, разочарование или злоба» [1, С. 15]. Объективно есть, конкретно воспринимается добыча, жертва, трофей... отделяется субъект – добытчик, хищник, охотник... Эта и реальность, это и модель, познаваемая персонально каждым, описываемая средствами речи, обеспеченная той глубиной проникновения, на которую способен «погрузиться» определенный человек. Охота «вписывает» естественным образом его, точнее каждого из нас, кто бывает в этом, в свое пространство.

Мы меняем, договариваемся с пространством о бытии, по-иному мы не сможем быть ни хищником, ни в некоторых случаях и добычей более сильного и ловкого – другого хищника, природного обстоятельства или неучтенного фактора воздействия. И если эти внешние рамки охоты

являются предметом и объектом научного, нормативно-правового, финансово-экономического, социально-культурного, этнического, экологического, гуманитарного и др. дискурсов, то в своей глубине охота всегда будет оставаться лишь метафорой. Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, даже если мы не сознаем этого. Она живо проявляется в нашем языке, мышлении, действии. И в то же время, человек себя так «околдовывает», вводит в изменённое состояние, обязательно требующееся, чтобы смочь погрузиться в пространство охоты.

Только так приходишь к пониманию, что в мире, где мы живем больше не существует деления на мир истинный и кажущийся. Но бытие – это тайна, и в охоте всегда скрыта тайна. Она лежит на поверхности, это совсем не то, что невозможно постичь, ее нужно открыть, добиться, пережить или прожить, имея необходимое мужество для того, чтобы прийти к тому, что со стопроцентной гарантией нельзя знать заранее. Проекцией пространства является территория, и это для нас всегда образ, в котором мы способны «заземлить» себя, вывести из воображаемого и неосязаемого к понятности и наглядности одной из моделей бытия. Мир – сложнейший продукт взаимодействия с ним человека, его чувств, мыслей, эмоций и их сочетаний, передаваемых одним словом «действительность».

«Приращение» человеческого опыта – скорее процесс технологический, но не творческий. Творчество совсем иное, и хотя оно может быть описано, но не разгадано, как такие категории как «любовь», «вера», «бытие». Пропадает жесткость различения истины и иллюзии, происходит восприятие невероятного условия – не существует мир без человека, и он же является лишь нашим представлением. Территория обеспечивает нам отклик, осязаемость, здесь мы можем «овеществить» пространство, населяя его животными, создавая им разнообразие условий их местообитания. Мы даем себе, и им в своем воображении, ту точку опоры, в которой нуждаемся сами. Мы наделяем их домом, который им не требуется, но так нам привычней и безопасней. И хотя основной территориальный параметр для охотника – это наличие или отсутствие дичи, мы еще «включаем» сюда социальные условности, такие как сроки, правила, обстоятельства возможного проведения или отказа от охоты. Мы оказываемся пред тем нашим «слепком» персональной способности жить на Земле, и той реальностью, где отсутствует любой порядок, и которому должны соответствовать воспринимаемые нами вещи и события.

Придавать смысл, ожидать и описывать мировое развитие возможно лишь при определенности убеждения о том, что сам человек не творит этот

мир, все, что есть в мире не является и только его ощущениями и восприятием. И вся деятельность человека на фоне бесконечности природы исчезнет когда-нибудь, и не только любые индивидуальные результаты ее подвержены пыли и тлену, исчезают без следа некогда великие народы и культуры. В природе нет, не существует ничего такого, чему должны, обязательны, явлены продукты наших теорий и убеждений. Из-за несовершенства наших договоренностей с пространством мы «развиваем» мир, в котором не имеется эволюционного свойства.

Каких бы успехов не достигал человек в результате своего труда, какие бы глобальные достижения не были ему «по плечу», природа все равно останется всевластной. В самом ее естестве, а это можно выразить особым концептом «дикая природа», человеку предстает пространство. Мы привыкли его использовать для деятельности, для труда, а таковое можно использовать для игры. «Игра может подниматься до высот прекрасного и священного, оставляя серьезное дело далеко позади себя... Всякая деятельность, совершается во имя определенных целей, для достижения результата, приносящего пользу. Цели нет только у игры, она свершается не ради счастливого будущего, она сама по себе – счастье» [1, С. 99]. Мы в своем социальном плане тоже играем... во власть, в богатство, в любовь, в жизнь и смерть... но игра по приказу не бывает. Она либо фарс, либо трагедия, комедия, мелодрама... Игра должна быть, и является выходом из рамок рутинной жизни, ведь по своей природе человек, как учат дети, и живое существо, как показывают животные, мы не можем не играть... Нам она нужна как обязательная биологическая функция, мы не сможем без нее понять, что из себя по-настоящему представляет собой дикая природа. Без игры мы воображаем природу как нечто уже нам известное, пытаемся лишь его «достроить» чем-то новеньким, черпываемых, однако, из того содержимого нашего источника, где хранится только известное.

Обращаясь к дикой природе, мы попадаем на территорию, в пределах которой встречаемся со всеми тремя нашими основными типами нашего сознания: предметным – сознанием, направленным на мир, окружающих нас вещей, предметов, ситуаций; в нас обостряется самосознание – мы начинаем себя сознавать по-иному, отличными от окружающего нас мира природы, и заметно чужеродным, неуклюжим и неуместным в этой существующей без нас естественной слаженности. И еще, достаточно быстро мы погружаемся в поток – совмещающий непосредственные переживания и ощущения, глубинное проникновение во что-то необычное. В этом состоянии перестает работать социальная аксиома нашего обычного пребывания в сознании, когда

мы подвержены стремлению к деятельности, расшифровываемое импульсами того, что мне надо, что-то делать, думать, исполнять, создавать...

Такое происходит в нерасшифрованном обычном чувствовании, как будто приподнимается нечто осевшее навечно, и неведомо, когда в нашей памяти. Мы можем назвать это кодами, зашифрованными посланиями, для которого мозг наш должен найти особую «шифровальную тетрадь». Эти послания человек может у себя никогда не потребовать в течении всей своей жизни, и кодированные сигналы не обретут смысл, они могут остаться не востребуемыми, неразбуженными, «нераस्ताможенными». Но только в отношении восприятия дикой природы человеку кажется, что мы предстаем перед чем-то непостижимым, веря в это также искренне, как с нами было в детстве, нашем благоговении перед еще неизведанным и неизвестным. Это состояние столь явно отличается от всего знакомого, понятного, уловимого и передаваемого в ясных понятиях.

Мы оказываемся способны переживать мгновения бытия, прикасаясь к существу посредством своего детского. С.Л. Франк пишет, что из эпохи детства в нас «проявляются» воспоминания о состоянии, в котором каждый клочок мира, каждая вещь и каждое явление представляются нам непостижимой тайной. Тогда мир для нас был сплошным чудом, возбуждая радость, восхищение, изумление или ужас. Мы вспоминает, пробуждаем свою детскую способность при каждом переживании красоты, «включаемого» в наслаждении предметами искусства, и их начальными источниками, распознаваемые как особый трепет переживания контакта с природой.

Мы оказываемся вне, в стороне, за пределами знакомого предметного мира, того нашего обычного, что мы именуем действительностью. И лишь тогда начинаем «чувять» не постигнутое еще как некую реальность из других проекций и измерений бытия, непохожих на наш обычный субъект-объектный мир. Обычный человек, согласно Шопенгауэру, смотрит на мир с точки зрения пользы, и для него мир распадается на ряд предметов, которые можно использовать или отбрасывать как бесполезные. Можно сказать, что разум любого нормального человека устроен подобно ситу, и тем самым не способен объять целостность мира. От того его отображения, что не улавливается предметным представлением, и тем не менее является его определяющим, не зеркально отраженным в истории, языке, самой природе человека.

Общественная вера в науку транслирует, диктует вполне определённую установку отношения к картине мира, при которой все

рассматривается как наличное постоянство, совокупность предметов и их взаимосвязей. Такое преобладание предметно-технической установки обуславливает все большее отчуждение человека от бытийственного смысла мира. Кант полагал, что мы «видим мир не таким, каков он есть на самом деле, а таким каким он нам является. А является он нам всегда, преломленным через наши чувства, наш разум, через язык и культуру. Мир такой, каков он сам по себе лишь некая идея, непостижимая вещь в себе» [1, С. 148].

Что познается таким путем, представляет собой уже не отдельную вещь, а элемент Эйдоса, составляющую мира идей, форму сущего. Интеллект имеет дело с расчлененной, застывшей в ортодоксальном пространстве мистерией искусственного мира. Живое некорректно понимается, расчлененное на части и типизированное с помощью вездесущего интеллекта. Лишь интуиция постигает мир в его живом развитии, это особый огонек, который трудно сохранять человеку в обществе, но можно усилить и даже возродить, возвращаясь в природу. Мы не способны познавать так мир через интеллект, который является формальным познанием посредством обоснования законов и формулирование понятий. Это – лишь моментальные снимки с не прекращающих свое движение предметов.

По Бергсону, созданные нами слепки (фото) выглядят застывшими и неподвижными, не такими как в реальной жизни. Попадая в дикую природу, мое тело является не просто объектом среди других объектов, оно воспринимает и резонирует на любые другие объекты, на любой звук и цвет, не так как в социуме, а приближаясь к той истине, до конца которую мы оказываемся неспособны постичь. Существует природа, не та природа, что «причесана» и объяснена естествознанием, а та в том скрытом облике, которое начинает приоткрывать наше восприятие. Общение отдельного человека с дикой природой должно рассматриваться через призму преодоления социального, ведь мы живем так, что без других людей для каждого из нас нет мира. Везде, где мы бываем, мы находим следы Другого, но только оказываясь в том, что мы называем дикой природой, мы теряемся, временно расстаемся с прежним, получая иной, неизведанный ранее нами опыт.

Здесь проявляется еще и то, что человек распространяет свое Я на весь мир, старается сделать тождественным ему, старается расширить свои границы личностного. Мы структурируем мир «под себя», и мы попадаем в чужеродное, когда встречаемся с неизвестным дикой природы. Хотя дикая природа может быть встречей с ТЫ, что станет незабываемым моментом,

новой «точкой сборки», по Кастанеде. В то же время, только в природе мы вновь возвращаемся к себе, к своему внутреннему Ребенку, к себе – часто очень страшному естественному, первобытному человеку, к себе, как-то вспомнившим прошлые жизни, родственные поколения, далекие эпохи. Тогда наш мир становится столь наполненным невероятным, что мы можем заново открыть в себе Бога, поверить в ангелов, услышать свою душу.

Борьба – краеугольное условие жизни, мы соприкасаемся с этим везде. Наш социум устроен так, что «почва» нашего обычного общения основывается на борьбе. Такой социум для нас привычен, мы переносим это представление в природу, и всегда проигрываем ей, даже когда думаем, что победили. Мы возвращаем, потерянную в социуме свою настоящую чувствительность и индивидуальность, мы становимся способными на откровение и познаем сокровенное.

«То, что при этом открывается, не перестает быть непостижимым, оно лишь открывается в своей непостижимости. Другой не перестает быть для нас тайной, но это явленная тайна, которая соприкасается со мной, иной переживается через ее активное воздействие на меня» [1, С. 173]. Тогда, реальность — это настоящая жизнь, то есть активность, творчество, процесс неустанного становления, что мы находим в ОХОТЕ как образе вечной жизни, отличающейся всегда законченной полнотой или вечностью. Эта наша мысль относит к бытию то, что дано ей самим бытием. Завершим данное эссе новым своим обращением к Франку, полагавшему: «К чему бы мы не стремились, каковы бы не были наши частные задачи, которые мы сами себе ставим, мы в последнем счете стремимся к одному: к полноте и завершенности, которую мы сознаем уже и изначально присущей реальности, и образующей ее существо; мы стремимся стать сами вечной, завершенной, всеобъемлющей жизнью.

Это стремление не осуществимо, если мы ищем полноты бытия в таких благах, как богатство, власть, всеобщее признание, безмятежность наслаждения. Здесь мы одержимы никогда неутолимой жаждой. Но если цель – не искание чего-либо извне, а попытка внутреннего обретения актуальности и уподобления реальности, то эта цель будет также не осуществимой до конца, но каждый достигнутый этап... качественно изменяет наше бытие, восполняя нашу потенциальность частичной актуальностью, приближая нас к истинному пониманию смысла жизни» [1, С. 19]. Обращая ее к себе социальному, возвращая ее радарным отзвуком от природы, мы устанавливаем, что мысль есть память о бытии и сверх того ничто, и это удовлетворяет нашу вечную жажду нового знания.

Мысль удовлетворяет своему существу поскольку, поскольку она есть!

ЛИТЕРАТУРА

1. Губин В.Д. Философия: актуальные проблемы. М.: Омега-Л, 2006. 370 с.

V.N. Bocharnikov

The Pacific Institute of Geography Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences

THE PHILOSOPHY AND SPACE OF HUNTING

Time and space is a fundamental category of philosophy, and in the sense of its limits people defines the length of their life. In modern conditions we are changing physically, even if we have being believed that we are developing socially and mentally. However we are degraded in our individual abilities of survival in nature. Hunting is not a kind of and human invention, it is rather natural way of all life in the nature. Hunting by humans is a social thing, and it's always plays a concern about Another, even if hunting prey consumed individually. Hunting helps a person to survive even in modern conditions.

Key words: philosophy, hunting, space, wilderness, development

---

Поступила в редакцию 31.10.2016

Футурология охоты и охотничьего хозяйства

УДК 639.1 : 349.6

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ НА 2017-2030 ГГ.

В статье автор конспективно излагает собственную альтернативную концепцию развития охотничьего хозяйства России на период 2017-2030 гг.

Ключевые слова: охота, охотничье хозяйство, концепция, природопользование, биосферное хозяйство, туризм, школа охотника.

В небольшой статье под рубрикой «Футурология охоты и охотничьего хозяйства» автор осмелился изложить, весьма кратко, можно сказать конспективно, собственную авторскую альтернативную концепцию развития охотничьего хозяйства России на ближайшие годы.